

ИМЕННЫЕ ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЯ С СОЕДИНИТЕЛЬНЫМ СОЮЗОМ И, ДА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ*

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются диалектные фразеологические единицы, состав которых можно определить как сочинительное словосочетание, включающее в себя имена существительные, соединенные союзом *и, да*, например, перм. *вонь да болоть* 'неодобрительно о людях малоуважаемых, незначительных' [СПГ 1: 117], дон. *седёлка да подпруга* 'о неразлучных друзьях' [СРНГ 37: 113], арх. *свóды да довóды* 'сплетни' [АОС 11: 225] и др. Наряду с ними в русском языке функционируют устойчивые сочетания, включающие в себя другие части речи: имена прилагательные (новг. *пýлый и мýлый* 'податливый, сговорчивый, уступчивый' [СРГК 5: 377]), глаголы (прост. *оторви да брось* 'о ком-, чём-н. никуда не годном, безнадежно плохом' [Ожегов: 476], *вынь да положь* (погов.) 'сделай непременно, неотложно, во что бы то ни стало' [ССРЛЯ 2: 1122]). Мы ограничимся рассмотрением именных фразем, поскольку предполагаем, что морфологические различия в составе подобных устойчивых конструкций вносят существенное разнообразие в семантическое пространство, образованное структурно близкими языковыми фактами.

Данная заметка входит в ряд работ, посвященных удвоенным существительным (разг. *лето-лето*) [Гилярова 2010], «словам-эхо», или рифмованным отзвучиям, т. е. случаям неточной редупликации (разг. *хухры-мухры, чай-шмай*) [Крючкова 2004; Минлос 2004], парным словам (*пить-есть, поить-кормить*), перечислительным формулам (фольк. *тужить, плакать не велят*; диал. *в калину да в малину* 'очень сильно, до алого цвета (о раскаленном железе)') [Минлос 2004]. Перечисленные единицы имеют некоторое структурное сходство, обладают разной степенью связанности и имеют разный лингвистический статус, который на сегодняшний день определен не во всех случаях.

Мы обратились к наименее изученному в семантическом отношении члену этого ряда – фразеосочетаниям, преимущественно двухкомпонентным, т. е. образованным по модели «один плюс один». Другое количество соположенных единиц ряда во многих случаях имеет собственную специфику. Его уникальность в том, что третий компонент синонимического ряда часто отличается от предыдущих по ритмической организации, фоносемантическому облику или другим критериям, подробнее см. [Архипова, Минлос 2003]. Поэтому представленные в статье трехкомпонентные сочетания единичны. Они приводятся только при наличии семантических сближений между ними и двухкомпонентными образованиями.

В составе именных фразеосочетаний с отношениями соположения включенных в них единиц отсутствует постоянный компонент, являющийся знаменательной частью речи, который мог бы повторяться в нескольких устойчивых сочетаниях, обеспечивая их сходство. Семантическую общность между фразеологизмами сочинительной структуры, казалось бы, нельзя предполагать, однако они нередко образуют синонимические ряды: перм. *вонь да болоть* [см. выше], перм. *Шиша да Лона* 'случайные, незначительные люди; сброд, пустословы' [СПГ 2: 554], хакас. *Шóша да Ерóша* 'всякий сброд' [СРГС 5: 360] и др. В подобных случаях налицо одинаковая референциальная принадлежность устойчивых выражений, при этом синтаксическая структура воспроизводится неизменно, но наблюдается варьирование ее лексического наполнения. Интересно осмыслить семантический потенциал таких устойчивых именных конструкций, найти ответы на вопросы о том, какие понятия составляют пару в нашем сознании, каковы логические связи между соположенными объектами и для выражения каких смыслов пригодны такие модели.

Эта синтаксическая структура активно реализуется в русских народных говорах. Она выявляется в обозначениях неодушевленных предметов (вещей) и людей.

1. Связанная именная конструкция проявляет себя в качестве обозначения множества: перм. *вагón и мáленьки колёсики* 'много' [ФСПГ: 38], перм. *ми́ром да собóром* 'при помощи многих' (*Поехала к дочере в Куйбышев – денёг нет. Дак только миром да собором и уехала: вся деревня помогала денёги-те собрать*) [СПГ 1: 517], пск. *мох и болóто (наговорить)* 'много глупостей, нелепостей (наговорить)' [СРНГ 18: 309].

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

Сема количества по определению присуща перечислительной структуре. Однородный ряд формально предполагает множество объектов, несмотря на то, что поставленные в один ряд понятия могут находиться в необычных логических отношениях.

Например, союзом могут быть соединены разные обозначения одного понятия (*миром да собором*), и совпадение денотатов в данном случае порождает усилительный смысл. Наиболее «логичной» выглядит в качестве обозначения множества объектов фразеологическая структура, соответствующая смысловой схеме «крупный предмет и еще нечто маленькое в придачу» (*вагон и маленьки колёсики*). Получается, что количественную семантику имеет не только выражение в целом, но и его части (ср. простореч. *вагон* ‘очень много, множество’ [СлРЯ I: 133], диал. *мир* ‘народ, люди’ [СРНГ 18: 170], *собор* ‘собрание кого-л., большое количество лиц’ [СРНГ 39: 172]). Однако существительные, из которых составлена идиома *мох да болото*, не выражают идею количества, являясь, скорее, обозначением «качества», т. е. содержания болтовни. Здесь на первый план выходит сема ‘глупый’, а образы дикой природы, глухомани способны служить ее метафорическим воплощением, ср. диал. *болотина* ‘дурак, простофиля’ и *болотный* ‘глупый, бессмысленный’ [СРНГ 3: 79], жарг. *пенек замшелый* ‘глупый человек’ [СМА: 321]. Идея количества выражается здесь посредством привлечения разных образов с одним значением, или иначе – посредством разных лексем с одинаковыми коннотациями. Отвлеченно от метафор эта смысловая схема выглядит так: «глупость да глупость (наговорил)».

2. Опосредованно с идеей количества связано другое направление развития значений именных устойчивых конструкций. Они используются в качестве названий человека, который рассматривается как часть неопределенного множества, разнородного и случайного по составу. Семы ‘весь’ и ‘всякий’ обнаруживаются в пск. *брат и сват* ‘каждый, всякий, любой (о человеке)’ [СПП: 19], пск. *жук и жаба* ‘каждый, всякий, все без исключения’ (*И как напьюцца, так гуляют жук и жаба*) [СПП: 40], перм. *любой и кажный* ‘всякий’ (*Про жись-то любя и кажна из нас расскажёт*) [ФСПП: 205]. Сема ‘хоть кто, все без разбора’ свидетельствует о том, что личные характеристики людей, обозначенных как совокупность, но при этом не образующих коллектив, нивелированы.

В представленных здесь фактах реализованы две смысловые схемы. Согласно одной из них, союзом и соединены обозначения двух разных представителей какой-либо общности – людей (*брат и сват*) или живности (*жук и жаба*). Согласно другой модели, рядом оказываются синонимы (*любой и кажный*), значение каждого из которых в отдельности равно значению фразеологизма в целом.

3. Фразеологизмы интересующей нас структуры могут служить обозначениями бедняков и бедности, нищеты: костром. *кол да перетька*, горьк. *кол да ёр да перетька*, перм. *голь да перетька* ‘о том, кто крайне беден; бедность’ (*Сами кол да ер да перетька, а людей промывают*) [СРНГ 26: 249], волог. *кол да перетька* ‘о тех, кто крайне беден’ (*А мы бедные были, кол да перетька*) [СВГ 7: 45]. Парность передает в этом случае идею недостатка, крайне малого количества, приобретая коннотацию «то, что не составляет труда перечесть».

В этих языковых фактах эксплуатируется образ палки, кола, который в русской языковой картине мира связывается с отсутствием своего двора, дома: новг. *от колá жить* ‘начинать с нуля’ (*Как вот приехали, от кола жить начали, даже дома своего не было*) [СРГК 2: 396], литер. *ни колá ни дворá* ‘ничего нет’ (*Как вот приехали, от кола жить начали, даже дома своего не было*) [ССРЛЯ 3: 594].

В русских народных говорах кол называется также *перетькой*: диал. *перетька* ‘кол изгороди’ [СРНГ 26: 248].

И.А. Кобелева, говоря о случаях недифференцированного представления в одной словарной статье разных по лексико-грамматической характеристике фразеологизмов, указывает на некорректность представления в словаре волог. *кол да перетька* ‘о тех, кто крайне беден’ [см. выше] и констатирует смешение в словарной статье двух фразеологизмов: именного *кол да перетька* ‘бедняки, голытьба’ и глагольно-пропозиционального *кол да перетька у кого где* ‘кто-л. крайне беден, живет нищенски» [Кобелева 2007:169]. Добавим, что выражение может иметь наречное значение ‘бедно’: *Живём кол да перетька* [Даль 1: 560]. Среди этих грамматических вариантов пропозициональное высказывание, вычлененное И. А. Кобелевой из контекста, вероятно, и может быть истолковано следующим образом: «у кого-л. есть только кол и кол», т. е. «у кого-л. ничего нет».

Та же структура, только трехкомпонентная, обнаруживается в горьк. *кол да ёр да перетька*, по-скольку петерб., новг. *ёра, ёра* ‘вид березы, низкорослая береза’ [СРНГ 8: 363], арх. *ёры* ‘ветки кустарника’ [СРНГ 9: 37].

В отношении перм. *голь да перетька* [см. выше] (ср. *У них в доме – голь да перетька* ‘беднота’ [Даль 3: 93]) можно предполагать модификацию структуры и считать, что слово *голь* в его составе обозначает бедных людей либо нищету, ср. *голь* (собирает.) ‘нищета, бедность, и самые бедняки’ (*Голью не укрыться; Голь перекатная; Такая голь, что парня нечем высечь*) [Даль 1: 381]. Однако и это действительно обнаруживается в виде обозначения ветки: др.-рус. *голь* ‘ветка, gamus’ [Срезн. I: 546].

Семантика бедности, нищеты эксплицируется и в выражении *Голь да моль* ‘отрепья’ [Даль 1: 381], где в слове *голь* реализована сема оголенности, отсутствия чего-л., а *моль* выступает «каузатором» пустоты («моль всё поела, ничего нет, только моль и осталась»).

Особую группу обозначений нищеты представляют собой паремии, в составе которых сочинительные парные конструкции употребляются рядом с противоречащим им по смыслу своего рода обобщающим словом, за счет чего создается комический эффект: *Рогатой скотины: ухват да мутовка* ‘роспись приданому’ [Даль 4: 101] (по-видимому, речь идет о бедной невесте), *Рогатой скотины – вилы да грабли; хорошей одежды – мешок да рядом* [Даль 4: 101], *Рогатой скотины: ухват да мутовка (пѣтухъ да курица), мѣдной посуды: крестъ да пуговица* ‘о крайней нищете’; *Нигде, что называется, ни крохи, ни зерна, везде голым-голо, везде хоть шаром покати: скотины – таракан да жужелица, посуды – крест да пуговица, одежды – мешок да рядом* (Мельников-Печерский, На горах) [Михельсон 1903].

Наконец, бедное приданое (или его отсутствие) описывается по схеме «ничтожная часть от чего-л. огромного да еще столько же»: *Голикъ роци, да кузовъ земли* ‘приданое’ [Даль 1: 382], *Торговаль онъ такъ, что, когда Палаша заневѣстилась, оставалось у ней имѣнья: голикъ роци, да кузовъ земли, гребень да вѣникъ, да три алтына денегъ* (Мельников-Печерский, На горах) [Михельсон 1903].

4. Особняком стоит среди фразеологизмов сочинительной структуры обозначение беспорядка: ленингр. *шары да палки* ‘беспорядок, развал’ (*Межень – самое крутое время. Ушла дочь, и остались дома шары да палки*) [СРГК 6: 834]. Не может прояснить ситуацию и контекст, в котором, однако, упоминается *межень* – обозначение голодного времени и летней страды: диал. *межень* ‘середина какого-н. периода, поры (лета, зимы, сенокоса и т. п.)’, ‘пора, когда старый хлеб уже съеден, а новый еще не созрел; бесхлебица’ (*Трудно раньше в межень-то было. В межень-то хлеб кончался*), ‘горячая пора летом, страда’, *мѣжень поймала* ‘не хватило хлеба до нового урожая’ [СРГК 3: 215]. Возможно, речь идет здесь не о беспорядке, как указано в дефиниции, а о бедности, голоде. В этом случае становится понятной и выглядит последовательной образная основа фразеологизма, поскольку здесь обнаруживается модель «палка да палка»: ленингр. *шарá* ‘молодое деревце, обычно хвойное’ (*Шару-то выбирай подольше, частокол будет повыше*) [СРГК 6: 834].

5. Среди именных фразеологизмов с соединительным союзом нам встретилось также обозначение села, бойкого места: *Тор, да ёр (вм. ёра), да третий вор* ‘о селе на большой дороге, на тору’ [Даль 1: 535]. Здесь слово *ёр*, ранее уже упоминавшееся в качестве обозначения ветки, явно употреблено в другом значении. В данном случае перед нами характеристика человека, ср. *ёра* ‘беспутный, тунеядный человек, плут и мошенник, развратный шатун’ [Даль 1: 535], волог., арх., онеж. *ёра* ‘проходимец, пройдоха, плут’, пенз., твер. *ера* ‘распутный, развратный, безнравственный человек’ (*Ера кабацкая*) [СРНГ 8: 363], простореч. и устар. *ёра* ‘удалой, лихой человек; забияка’ [ССРЛЯ 3: 1269]. Если учесть значения лексем *вор* и диал. *тор* ‘тореная дорога; бой, убитое и торное место’, ‘место, где много народу, езды, ходьбы, где трут-ся, толпятся, бойкое место’ [Даль 4: 430], то можно воссоздать «изображение» людной дороги, где толкуются ненадежные люди, всякий сброд.

6. Большую группу образуют фразеосочетания, которые, имея семантику собирательности, служат обозначениями неуважаемых либо непорядочных людей: олон., костром. *кол да перетька* и костром. *шваль да подбирало* ‘(пренебр.) непорядочные люди; всякий сброд’ [СРНГ 26: 249], перм. *хай да магáй* ‘малоуважаемые люди, сброд’ (*Я эть не хай-магай, у меня всё путём*) [СПГ 2: 494], перм. *Шиши да Агаша, третья – Палаша* ‘малопочитаемые люди’ (*Кто у тебя сѣдни был в гостях-то? – А-а, Шиши да Агаша, третья Палаша; Никого уж в деревне-то нет, остались только Шиши да Агаша, да ишо третья Палаша*) [СПГ 2: 554].

Возможно, это же значение имеет олон. *кол да перетька, шемаха да заика* [СРНГ, 26, с. 249], в котором пары слов несут разную нагрузку: *кол да перетька* – обозначение бедняков, а *шемаха да заика* – обозначение никчемных людей – бродяги (ср. диал. *шемехá* ‘шатун, бродяга, подворник’ [Даль 4: 647]) и косноязычного человека.

У М.И. Михельсона находим выражение *Голь, шмоль, ноль и компанія* и в контексте вариант – *голь да шмоль*: «Прежде были разбойники, грабители да воры, люди все отчаянные да крупные, а теперь всякая Голь, Шмоль, Ноль и компанія аккордомъ плутуютъ» (Н.С. Лѣсковъ, Мелочи Архіер. жизни. Русское тайнобрачіе); «Воруйте, батюшки, воруйте! Нынче по этой части свободно, потому вездѣ голь да шмоль завелась — какъ тутъ деньгамъ уцѣлѣть!» (Салтыковъ, Пестрыя письма) [Михельсон 1896: 77]. Четырех-компонентный ряд слов включает в себя обозначения представителей «социального дна», ср. смол. *шмоль* ‘попрошайки, нищие’ [Сомов: 660], костр. *шмольник* ‘скупец, скряга и попрошайка’ [Даль 4: 660].

Сброд противопоставлен «добрым людям», ср. контекст к хакас. *Шоша да Ероша* ‘всякий сброд’ (*Собрались Шоша да Ероша, добрый человек туда не сунется*) [СРГС 5: 360].

При лексикографировании подобных выражений в дефиницию во многих случаях включают слово *сброд* или *шваль*, которые в современном толковом словаре определяются следующим образом: литер. *сброд* ‘(устар.) группа случайно собравшихся людей, толпа, разнородная по составу’, ‘(разг.) о негодных, ничтожных людях; подонки (с оттенком пренебрежения, презрения)’, ‘(разг.) беспорядочное, случайное соединение, сочетание чего-л.’ ([*Письмо*] было наполнено таким сбродом противоположностей, что я сначала почти ничего и не понял – Дост. «Село Степанчиково») [ССРЛЯ 13: 247]; простореч. *шваль* ‘негодная, дрянная вещь’ (*Выкинуть шваль*), ‘о худой лошади, корове и т. п.’, ‘о презренном, ничтожном человеке’ [ССРЛЯ 17: 1313].

Для этих слов значимы семы ‘негодный’ и ‘презренный’, действительно нашедшие отражение в фразеологических единицах со значением ‘сброд’. Поскольку именование идет со стороны «крепкой» части общества, то все подобные фразеологизмы имеют выраженные негативные коннотации, являющиеся отражением презрительного, пренебрежительного отношения к «сброду», объективированного при помощи словарных помет (пренебр., презр., неодобр.) или запечатленного в контекстном употреблении. Под негодностью подразумевается низкий социальный статус людей, определяемый их неспособностью хорошо работать, либо их «асоциальность», поскольку речь идет о непорядочных людях, бродягах, ворах, нищих, попрошайках. В числе качеств людей, называемых сбродом, указывают пустословие, сквернословие, склонность к сплетням: перм. *Шиша да Лона* ‘случайные, незначительные люди; сброд, пустословы’ (*У нас пекаря Шиша да Лона, плохо пекут, пьяницы, неохота робить-то; Бригадыры-те всё нехорошиё попадают, Шиша да Лона* [СПГ 2: 554], перм. *вонь да болоть* ‘неодобрительно о людях малоуважаемых, незначительных’ (*У нас в селе старухи вонь да болоть – сплетничают, ругаются*) [СПГ 1: 117].

Прежде всего, в составе такого выражения могут соседствовать слова, каждое из которых в отдельности уже имеет собирательное значение, свойственное выражению в целом (*голь да шмоль*): «сброд=сброд+сброд». Либо используются существительные, каждое из которых является обозначением той «человеческой единицы», которая, объединяясь с другими подобными, образует социальный класс под названием «сброд» (*хай да магай, Шиша да Лона*).

7. Рассматриваемая устойчивая синтаксическая конструкция может служить осуждающе-презрительным обозначением людей, утративших традиции, устои, характерные черты своей социальной группы: казак.-некрас. *кол да перетька* ‘о молодых казаках, не достигших мудрости старшего поколения’ (*Это разве казаки? Это голь да перетька! Раньше были казаки!*) [СРНГ 26: 249], казак.-некрас. *голь да перет* ‘пренебрежительное название молодых казаков, якобы измельчавших по сравнению со старым поколением’ [Сердюкова 2005: 193]. Здесь подразумевается своеобразное «культурное отступничество», ослабленность социальных характеристик, неопределенность в настоящем, находящаяся в противоречии с определенностью социального статуса по происхождению.

8. Уже упоминавшаяся ранее сема негодности проявляется в фразеологических обозначениях людей, которые не могут или не умеют работать. Прагматический взгляд на человека является характерной чертой крестьянской культуры. Вполне закономерно, что коннотацию «негодный» приобретает обозначение «прослойки» немощных, нетрудоспособных людей: усть-вым. *голь да моль* ‘самые маленькие, самые слабые и беззащитные люди’ (*Отечественная война началась, на пристани остались голь да моль*) [ФСРГРК: 64]. По физическому критерию неспособны к работе дети, старики, немощные. Это своего рода «социальные окраины» – люди, не достигшие зрелого возраста или вышедшие из него.

Прямое указание на неумелость, негодность к работе содержится в бурят. *фёмка да ерёмка* ‘случайно собравшиеся неумелые люди, взявшиеся что-либо делать’ [СРГС 5: 194], которому, в отличие от предыдущего языкового факта, свойственны оттенки пренебрежительного отношения, презрительности.

9. Фразеологические обозначения глупых и необразованных людей не выглядят изолированно среди наметившегося семантического многообразия. Контексты свидетельствуют о том, что детализованные в дефинициях негативные характеристики людей по интеллекту или образованию имеют социальный подтекст. Например, в толковании перм., урал. *шшиа да лона* 'о глупых людях с нравственными пороками' [СРНГ 17: 130] наряду с глупостью упоминается безнравственность, поэтому можно предполагать, что здесь акцент следует ставить не на интеллектуальной характеристике. По значению этот языковой факт ближе к названиям сброда, швали.

Необразованность же, а в особенности неграмотность являются не только личной характеристикой человека (перм. *тютя-ляпа* 'неумеха, неграмотный, бестолковый человек' (*У меня дочь-та ничё не умеёт делать, как тютя-ляпа*) [СПГ 2: 459]), но и социальной, ср. контекст к перм. *тютя да ляпа* (*Ноне только тютя да ляпа в деревне-то и живут, кто уж совсем ничё не знат. Кто мало-мало грамотной, дак в город уходит*) [СПГ 2: 459]), в котором оппозиция «грамотный – неграмотный» накладывается на оппозицию «городской – деревенский». В сущности, перед нами обозначения маргинальных групп, которым противопоставляются другие, социально принятые группы образованных, соблюдающих нравственные нормы людей.

10. Обсуждаемая конструкция может служить обозначением гостей: курган. *шага, да вага, третья росомága* 'о большом количестве гостей' [СРНГ 35: 188]. Дефиниция к фразеологизму, называющему собрание гостей, включает в себя сему множества, о которой уже было сказано ранее, и не содержит пояснений относительно того, важны ли при этом какие-либо характеристики гостей. Она составлена таким образом, будто всякое собрание гостей можно охарактеризовать этой идиомой. Однако при детальном рассмотрении оказывается, что в состав выражения включены названия лентяя (ср. волог. *вага* 'лентяй, лентяйка, отлынивающие от работы' [СРНГ 4: 9]), неряхи, растрепы (волог., перм., свердл., вост.-казах. *росомága* 'о неряшливом, неаккуратном человеке' [СРНГ 35: 188]) и, вероятно, человека с каким-либо еще негативным качеством, однако происхождение слова *шага* требует осмысления, поскольку его связь с перм. *шагалюха* 'бойкая женщина' [СПГ 2: 540], бурят. *шагай* 'злой, угрюмый, нелюдимый человек' (*В кого он такой шагай, не знаю. Во всей родове у нас такого шагая не было*) [СРГС 5: 318] не очевидна. Вряд ли сочетание таких слов используется по отношению к уважаемым людям. Выражение буквально означает 'всякий сброд', поскольку «пришли все, даже неприглашенные». На количество же гостей указывает трехкомпонентная синтаксическая конструкция, задающая открытый однородный ряд: «один, и другой, и третий...».

11. Двухкомпонентные фразеологизмы закономерно служат также обозначениями друзей. В состав дон. *седёлка да подпруга* 'о неразлучных друзьях' (*Два друга – седёлка да подпруга, нераздельные они, дружные*) [СРНГ 37: 113] включены слова, денотаты которых взаимосвязаны, что символизирует связь между друзьями. Из обозначений парных предметов составлено перм. *тюнь да лапоть* 'о неразлучных друзьях' [СПГ 2: 458], ср. перм. *тюни* 'всякая теплая обувь: болотные сапоги, сапоги из оленьих шкур, валенки, коты, толстые шерстяные носки с обшитой подошвой' [Там же]. Упоминанием одинаковых понятий маркирована схожесть приятелей: печор. *два дру́га – метель да вью́га* 'два друга – хулиганы, буяны' (*Вон опять напились Пашка с Ванькой, идут два друга – метель да вьюга, так наколобродят, поутру и не вспомнят*) [ФСРГНП 1: 198].

12. Сема парности объектов имеет значение для описания отношений в семье. Стереотипная метафора *Муж – голова, жена – шея* переосмысливается в связи со смещением ролей в семье, и это отображается в языке посредством устойчивой сочинительной конструкции: печор. *головá и шéя* 'самый авторитетный человек семьи, глава семьи' (*Мать у нас в семье была голова и шея; Он уж у неё под пяткой, он без неё никуда, он перёд не ведёт, она уж у него голова и шея; У нас отец был голова и шея, всё-то он умел, за всё-то сам отвечал, всё сам делал, а нас-то как любил!*) [ФСРГНП 1: 175]. Обычно распределенные между мужем и женой роли выполняет один из них, поэтому семантическая структура фразеологизма, обозначающего такое положение дел, – «и то, и другое», т. е. «всё».

13. Усиление экспрессии путем включения в устойчивое выражение обозначений двух очень близких, а в наивной картине мира, возможно, совпадающих понятий лежит в основе арх. *Бог да Христос* 'выражение удивления, раздражения и т. п.' [СГРС 1: 127]. Каждое из них самостоятельно используется в восклицаниях, служит обращением при выражении эмоций, поэтому за счет их привлечения и лексического «удвоения» возникает яркий эмоциональный фон.

Можно заметить, что экспрессия свойственна почти всем представленным в статье фразеологизмам.

Завершая разговор о семантическом потенциале именных фразем, еще раз отметим, что в устойчивом сочинительном сочетании нет того стержня, той семантической и синтаксической опоры, на которую могли бы быть нанизаны переменные компоненты. Эта особенность явилась причиной низкой воспроизводимости конструкции, возможно, поэтому она обнаруживается преимущественно в русских народных говорах.

Литература

- АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980 – Вып. 1.
- Архипова А.С., Минлос Ф.Р. Формальные закономерности в сочетаниях имен // Именослов. Заметки по исторической семантике имени. М.: Индрик, 2003. С. 258–266.
- Гилярова К.А. Такая девочка-девочка. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета // Материалы международной конференции «Диалог 2010». – URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/pdf/15.pdf>
- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981–1982. Ре-принт с изд. : М., 1880–1882. Т. 1–4.
- Кобелева И.А. Русская диалектная фразеогрфия: грамматический аспект. СПб. : Наука, 2007. 200 с.
- Крючкова О.Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2004. №2 (8). С.63 – 85.
- Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт славяноведения, 2004. 183 с.
- Михельсон 1903 – Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. СПб.: Типогр. Императ. Акад. наук, 1903–1904. Т. 1–2. URL: <http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20%D0%B8%20%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B9/>
- Михельсон 1896 – Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / Второе пересмотр. и значительно пополненное изд. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1896. 598 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999.
- СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983 – Вып.1.
- Сердюкова 2005 – Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 2005. 320 с.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера [Текст] / под ред А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СлРЯ – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. I–IV.
- СМА – Елистратов В.С. Словарь московского арга: Материалы 1980–1994 гг. М.: Русские словари, 1994. 700 с.
- Сомов – Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. М.: ВЛАДОС, 1996. 764 с.
- СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 т. Пермь, 1999 – 2002. Вып. 1– 2.
- СПП – Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2001. 176 с.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994 – 2005. Вып. 1– 6.
- СРГС – Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999 – 2006. Т. 1–5.
- Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893–1912. Т. I–III.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М., Л., 1965. – Вып. 1.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М. : Наука; Л. : Издательство АН ССР, 1948–1965. Т. 1–17.
- ФСРПГ – Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.

ФСРГНП – *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры*: в 2-х т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., Коми гос. пед. ин-т ; сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008. Т. 1–2.

ФСРГРК – *Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар*: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. 312 с.

М.Г. Старовойт (Беларусь, Мозырь)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА В БЕЛОРУССКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В бесконечном многообразии мира все виды и формы материи характеризуются качественной и количественной определенностью, которые в бытии существуют неразрывно. Качество определяет существенные свойства явлений объективного мира, отличающие их от других явлений. С тем или иным качеством связано само бытие предмета. Качество основывается на количестве, так как качественные различия в итоге связаны с наличием или отсутствием определенных составных элементов. Развитие явлений объективного мира выражается в зависимости качества предмета от его количества. Все эти закономерности объективного мира находят отражение в категориях человеческого познания.

В основу нашего исследования положен ассоциативно-номинационный принцип организации лексики, который определяет пути формирования номинационной системы языка, а также способы мотивации слов с оценочно-количественными значениями. В результате проведенного сопоставительного анализа полей неопределенно большого и неопределенно малого количества в русском, белорусском и английском языках нами было выделено более 9000 лексических единиц, обозначающих неопределенное количество. Белорусский язык является самым богатым по количеству единиц со значением неопределенного количества из трех сопоставляемых языков, где было выявлено 3530 лексические единицы, что составляет 36,2% от всех единиц, отобранных в трех сопоставляемых языках. В русском языке выявлено 3250 единиц со значением неопределенного количества, что составляет 33,4% от всей отобранной лексики. В английском языке отмечено наименьшее количество слов со значением неопределенного количества, которое составляет 30,2%. Отобранный лексический материал группируется вокруг языковых образов, лежащих в основе семантических переносов, реализация которых определяется нормой и узусом. Выявление групп лексических единиц на основе образа, возникающего при восприятии концепта внутри языковой категории «неопределенное количество», позволяет уточнить картину организации всей лексики в систему. Более 2000 единиц являются эквивалентными в трех исследуемых языках, что составляет 72,9%.

Примерами совпадающих лексических единиц со значением неопределенно большого количества в белорусском, русском и английском языках могут послужить следующие: *бел. бочка – рус. бочка – англ. cask*, *бел. сховішча – рус. склад – англ. repertory*, *бел. вядро – рус. ведро – англ. rail*, *бел. пляцоўка – рус. площадка – англ. area, ground*, *бел. хлеў – рус. сарай – англ. shed*, *бел. падашак – рус. чердак – англ. attic, garret*, *бел. карчомка – рус. кабачок – англ. pub* и др. [Шкраба 2008].

Однако эквивалентность языковых единиц со значением неопределенного количества в русском и белорусском языках выражена в большей степени и составляет 77%, что свидетельствует о высокой степени соответствия значений и схожести обоих языков в целом.

Проведенная тематическая классификация позволила выделить в поле НБК 8 классов образов: образы большого, образы больших/ интенсивных природных явлений, образы совокупностей, образы движущихся совокупностей и др. Из отобранных 7280 языковых единиц в русском, белорусском и английском языках выявлено более 400 белорусских безэквивалентных единиц со значением неопределенного количества, что составляет 13,8%, а также 206 русско-английских субстантивных лакун (9,3%). Примерами белорусских безэквивалентов могут послужить следующие единицы: ‘огромное уютное помещение’ – *ср. гамарня*, ‘жилище, дом хозяина’ – *ср. гаспода*, ‘место в гумне для складывания соломы, сена’ – *ср. заста-ронак*, ‘закрывающаяся крышкой кадка, предназначенная для хранения продуктов и вещей’ – *ср. кубел*, ‘желобковое корыто для засыпания зерна или муки’ – *ср. латак*.

Структура поля НМК представлена 5 классами образов: образы малого, образы малых/ неинтенсивных природных явлений, образы малых совокупностей, образы слабого/ неинтенсивного, образы неполного. Все выделенные классы образов имеют сложную структуру и состоят из нескольких подклассов, а в